

ЖЖВВ

1917 г.
№ 26

Выходить 30-го июня 1917 г.

**ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ПОСЛАНИИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVIII г.
издания

ОБЪЯВЛЕНИЯ

для напечатанія въ „Писъ“ принимаются по сдѣлующей цѣнѣ за строку непареллѣ въ одинъ столбѣцъ (1/4 жилищемъ станциямъ) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 2 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ страницъ 2 р. 50 к.

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 20 к., съ перес. 25 к.

На этому № прилагается Соч. Сервантеса „Донъ-Кихотъ“ кн. 6.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.

Выпускаемый на основаніи Постановленія Временнаго Правительства
отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрь, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни поспедствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 июля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе распростираемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министерствомъ Финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ Банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена судная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по 5% годовыхъ по срокъ 1 июля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.

Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затратъ капитала заняться промышленностью, долженъ написать книгу: **«Я самъ—хозяинъ»**, содержащую описание приближенныхъ производствъ, являющихся на настоящее время будущимъ особымъ успехомъ. Издана в 1916 г. Москвѣ, изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2. (3)

Необходимое руководство для молодыхъ людей обоего пола.
Какъ следуетъ вести себя, чтобы жить счастливо въ жизни. Краткое содержание книги: хороший бракъ. Домашній конферъ. Гигиена. Одежда. Отношенія къ родителямъ. Какъ держать себя за столомъ, въ бѣлахъ и вечеркахъ. Какъ проводить время, риса, прѣстѣтѣ. Какъ играть въ карты и другія игры. Какъ вести переговоры. Брачный контрактъ. Свадьба, приданое, вѣнчаніе. Обязанности женой, невесты, падчерицы, пасынкаго матери. Множество другихъ полезныхъ советовъ на всѣ случаи жизни. Цена 2 р. 50 к. ТРЕБ. АДР.: МОСКВА, Баскету „СОЮЗЪ“, отд. 2. (4)

ЧАРОДѢЙСТВО и народные ЗАГОВОРЫ.

Предсказаніе чародейской судьбы на всѣ будущіяе вопросы, Топографію словъ. Разсказъ тайны халдейскаго жидовства, откровенія черной, белой, сѣдой факторы. Кабалистика. Херувимы. Вѣла и черная магія. Откровеніе имени, кто кого любитъ. Талисманы въ продолженіи жизни и множество другихъ интересныхъ сведений содержатъ книгу **«Чародей»**. Цена 1 руб. 50 к. ТРЕБОВАНІЯ АДРЕС: Москва, изд-ство „СОНЪ“, отд. 2. (5)

ПИСАТЬ

БРАСКО, СКОРО и ГРАМОТНО. КАЛЛИГРАФИЯ въ стилѣ. Рого-Геть, бѣдѣ въ пр. 206 руб. и черт. въ текстѣ, транскриптъ и тетрадо-журналъ. Новѣе, слуховики, для про-драж. котора въ короткой срокъ. Главн. языкъ, сборн. на которыхъ, сборн. Цена на полный курсъ са-модѣла. и перес. 3 р. **ПРАВОПИСАНІЕ** русск. аз. Новѣе, руково. для самообученія, со страв-ноты, словаремъ всѣхъ словъ, буквъ. Адр.: КИЕВСКАЯ „ДРУГЪ САМОБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—1 (6)

УРОДОНАЛЬ ШТЕЛЕНА РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ, РЕВМАТИЗМЪ, ПОДАГРА, АРТЕРИОСКЛЕРОЗЪ, АРТРИТИЗМЪ.

ПЕСОКЪ и КАМНИ.
УРОДОНАЛЬ ШТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магази-нахъ. Русское Аген-ство фирмъ ШТЕЛЕНА въ Парижѣ. Москва, Петровскій мо-скв. № 38, отд. 5. (7)

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, д. 22.

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ.

РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ

ОБУВИ

ПРОСТОЙ И ИЗЯЩНОЙ ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ И ДѢТСКОЙ

ПО НОВОЙ, ЛЕГКОЙ И СКОРОЙ МЕТОДЪ

5-е изданіе.

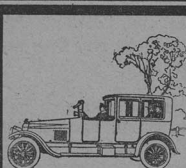
Просто, доступно для всѣхъ изложеніе, поясняющее указанія чертежами и рису-нками, не требующее никакого предварительнаго умѣнья и никакихъ особыхъ затратъ, руководство это, при настоящей дороговизнѣ обуви, можно быть ра-достно встрѣченіе русской женщиной. Отнынь женщины дѣтскихъ сапоговъ и ботиночекъ для хозяекъ дома и рабочихъ сапоговъ для отца семьи могутъ быть изготовлены легко и несравненно дешевле дома. Цена 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к. (8)

МАШИНЫ

Для стрижки волосъ, необ. въ ванн. свѣтл. Цена 8 р.—Заван. пруж. изъ вѣн. 25 к. шт.—Алма. брѣзгъ 6 р. шт. № ОКСИДЕЛЪ, Москва, ам. 251/100.

Издательство „НОВЫ“ в Петроградѣ (Кавалергарская, 20).

Вышли новыя книги:
В. Фромметъ. Революц. умно-е. 10 к.
П. Шукон. Основы социализма. 10 к.
(Что хотѣтъ и чего добиваются социалисты). 10 к.
Выпущ. отд. издательствъ на порес. на платат. За выломъ. 10 к.
Издат. приман. азамъ на всѣ книги, издѣмъ. въ продажѣ.

АВТОМОБИЛИСТОВЪ ПРИГЛАШАЮТЪ ПОТРЕБОВАТЬ НАШЪ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЪ 60 СТРАНЪ. СЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ ТИПОВЪ ВСЕМИРНО-ИЗВѢСТНЫХЪ АНГЛИСКИХЪ АВТОМОБИЛЕЙ ВОНХОЛЬ И ВИДОВЪ—КАНЪ ИХЪ СТРАТЬ.

СТРАДАЮЩИМЪ РЕВМАТИЗМЪ, МУЧИТОМЪ.
Сод. 100 таблетокъ 60 к. мар-веса. немедл. соотв.—дѣн. средство ПР., Моленская, 22, Б. Киселеву.

Собираніе марокъ для кол-лоній.
Интерес. книга для всѣхъ. 1 р. (много марокъ) Нап. изъ выс. Прейс-кур. мар. 15 к. А. Волкъ, Петроз., Анаплевская, 22.

КРАСОТУ ВАШЕГО ЛИЦА сохранитъ и восстановитъ пластическіе массажеры, купитъ въ магазинѣ ЗАОУЮ, по-средствомъ лѣній. Прислѣны и подробныя свѣдѣнія высылаются за десятикопеечную марку. Москва, Петербургскій бульваръ, 78-8. Марія Николаевна ДУРАСОВИЧЪ. (9)

ГРАЖДАНУ НЕОБХОДИМО:
Английскій вѣчный ручка (насто-ящее золотое перо)

„The Fountain Pen“
съ чернилами, всегда готовое писать, цена Руб. 6.50 штука. Неполныя отправки со склада по почте, изложени. платятся черезъ Англійскую контору. 4-9

Дугласъ Спунъ,
Петроградъ, Лѣвская, № 44.

ВОКСХОЛЬ

Петроградъ. Невскій, 21.

старческая дряхлость,

бесиле, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіеся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственныи настоящимъ, всесторонне испытанныи Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидостей и вытѣжекъ изъ смѣнныхъ желевъ, какъ нигде негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ выселиться безвозвратно книга Цѣлебное дѣйствіе Спермина, интересующихъ же всей органотерапией, выселиться за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга **„Цѣлительныя силы организма“**.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ва.
ПЕТРОГРАДЪ.

Выходить ежеквартально (52 № в год), с приложением 52 книг "Сборника", содержащих сочинения М. ГОРЬКОГО, С. Я. НАДСОНА,

Издана 30 июня 1917 г. Подписная цена съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к. Цена этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Милліони сотень дають сотні мільйонів.

Между небомъ и землей.

Фантастический рассказ С. Бѣльскаго.

Съ иллюстраціями А. Ф. Максимова.

(Освѣщале).

III.

Два міра.

Компаніи «Всемировна Эмигранта» приходилось три раза подъ разными предлогами откладывать отправленіе Левиана. Въ газетахъ разныхъ странъ начали появляться статьи о томъ, что прославленное изобрѣтеніе гениальнаго русскаго инженера и его бѣльскаго сотрудника существуетъ только на бумагѣ, далеко не доведено до конца, и что поэтому все предпріятіе американскаго миллиардера, представляющее одну изъ тѣхъ опасныхъ капиталистическихъ авантуръ, которыя въ то время потрясали весь экономическій строй Европы, Правительства и парламенты съ возрастающимъ неудовольствіемъ слѣдили за агитаціей компаніи, которая привлекла пока въ Раноми сравнительно ничтожное число эмигрантовъ, но зато была вредна въ томъ отношеніи, что ослабляла энергію и трудоспособность рабочей массы. Миллионы людей охотно и быстро усвоивали аргументы лавины пропаганды, какъ Витонте, и хотя и не думали о возможности покинуть землю и ничего не ждали отъ неба, но зато и на землѣ выдѣли лишь безысходныя страданія, нищету, взаимную вражду, обманъ, лицемеріе и предательство.

Желанный Левиантъ, который ни за что не хотѣлъ двинуться со стѣпеней, чтобы направиться къ инымъ мірамъ, сблизился эмблемой безсильнаго чуждолюбства и его безразличныхъ стремленій. Уродливыя изобразенія этого стального чудовища, возмущающаго не землѣ со слованными крыльями, служили постоянной темой для парикриати. Директора компаніи щедро сыпали золото, чтобы поддержать падающія акціи. Некоторое время имъ это удавалось, главнымъ образомъ благодаря вліянію и энергіи Охотона, но затѣмъ обнаружилось явное призваніе приближеннаго неумолимаго краха. Тогда все вниманіе и всѣ надежды главнаго акціонера сосредоточились на Сидней, который, имѣя на рукахъ приказанія, требованія, обшійми огромныхъ издержекъ и прѣмій, грозилъ и утихивалъ; инженеръ цѣлыя ночи проводилъ за письменнымъ столомъ. Онъ пытался замѣнить вдохновеніе механической работой надъ формулами, но каждый разъ наткнулся на непреодолимую трудность. Онъ сѣлъ, какъ и Леберн, отлично понимая, что для того, чтобы закончить Левиана, ему нуженъ особый видъ энергии, особый элементъ, называемый въ ясное утро на берегу моря. Но часъ этотъ не приходилъ. Вдохновеніе не было, и мертвое чувство изъ жѣзбы и стали безпомощно новилось между небомъ и землей.

Но чѣмъ хуже шли дѣла компаніи, тѣмъ шумѣе и веселѣе текла жизнь въ Раноми. Главную часть его новаго населенія составляли не эмигранты, а скачущіе туристы, многие изъ которыхъ успѣли побывать на вѣбъхъ новыхъ издѣлкахъ страшенны и не падали тамъ ничего интереснаго, толпами становились посмотрѣть на отправленіе перваго междуконтинентальнаго корабля. Компанія измѣнила свой первоначальный планъ, по которому Раноми долженъ былъ оставаться въ томъ самомъ видѣ, какой прідала ему война. Развалины были декорированы растеніями, дороги усыпаны бѣлыми пескомъ, и мало-по-малу все мѣтетею прибрѣло шаблонный видъ моднаго курорта. Вечернѣе порты только неучающимъ образомъ отличались отъ обычныхъ и грустныхъ, директоръ «Всемировна Эмигранта» поступилъ очень просто и умно, объявивъ, что будетъ устраивать прогулки для осмотра знаменитыхъ коней стараго Раноми. Для этой цѣли были выбраны, конечно, такіе шахты, куда никогда не проникалъ огонь. Галереи освѣщали электричествомъ, украсили флажками и тропическими растеніями, скрывали дѣла оркестра въ глубинѣ чернаго лабиринта и украсили превосходный ресторанъ на берегу дѣвственнаго озера. Объ этомъ соборѣ рекламы «Эмигранта» возмущались съ обычными преувѣщеніями, въ трескучихъ высокопарныхъ фразахъ: «Прогутки въ царствѣ вѣчнаго мрака! Обѣды въ недрахъ земли! Концерты въ царствѣ Нютона!»

— Вы спуститесь въ это царство мрака?—спросилъ, улыбаясь, Менгеръ, встрѣтивъ какъ-то на площади около Левиана своего недавняго спутника въ Шарлеру.

— Мнѣ не надо спускаться въ царство мрака.—Дала все время сидѣть за своими бумагами и скиснѣла только во время лекцій Витонте. А я бы очень хотѣла взглянуть на работу бѣльскаго руковождя.

— Пойдемте вдвоемъ!—предложилъ Менгеръ.

— Лучше пойдемъ, я просто изнемогаю отъ этого невыносимаго зноя.

Кучеръ, одѣтый въ красный камзолъ, захваченный длинными бичомъ, и черезъ нѣсколько минутъ быстрой ѣзды они остановились передъ высокими бѣлыми павильонами, вокругъ котораго стояла густая толпа, ожидавшая очереди, чтобы попасть въ одинъ изъ лифтовъ и спуститься на глубину въ 300 метровъ. Спускъ продолжался шесть минутъ. Когда Ида и ея спутники очутились на дѣв шахты, они были глубоко разочарованы. Вѣбъхъ минувшихъ эпохъ таинственного лабиринта они увидѣли передъ собой длинную залу, стѣны и потолокъ которой были красиво задранированы жѣсткой матеріей, сотни электрическихъ лампъ освѣщали длинные ряды стоиковъ, украшенныхъ букетами живыхъ цвѣтовъ.

— Боже мой, какая бѣдная фантазія у хозяевъ Раноми!—восклицнула Ида.—Они ничего лучшаго не придумали, какъ цѣлыми полостями сюда опустить изъ ресторана! Побѣде куда-нибудь дальше. Мнѣ хочется увидѣть неприманное подземное царство.

Углубившись въ извилистую галерею, они скоро очутились на границѣ освѣщеннаго пространства, передъ низкой аркой съ надписью: «Во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ просить не ходить дальше безъ провожника».

— Тамъ начнется самое интересное,—сказала Ида.

— А вы не боитесь?

Вѣбъхъ отвѣта дѣвушка рѣшительно пошла впередъ. Настѣтѣ ей откуда-то изъ невидимаго углубленія вышелъ высокій малый, одѣтый въ новѣйшій костюмъ бѣльскаго руковождя, и держа въ рукахъ палку, предложилъ свои услуги, чтобы показати кони.

Мы знаемъ дорогу не хуже васъ!—отпѣлѣлъ Менгеръ, и бѣльскій руковождя началъ шагать. Ида, не по ея убавленію, что она вѣбъхъ одобрѣетъ этотъ легкомысленный отвѣтъ.

Проводитѣе цѣлѣе шагами.

— Увѣрю васъ, что вы забудитесь съ первыхъ шаговъ! Тамъ 240 галлерей!

Но молодые люди уже не слушали его: явившись за руки, они, какъ дѣти, со смѣхомъ бѣжали по галлерей. На стѣнахъ висѣли картины, на которыхъ фигурировали бѣльскіе глабы несчастья, заржавленные рельсы, гнилые столбы.

— Не вернуться ли назадъ?—сказала дѣвушка, останавливаясь на поворотѣ галлерей.

— Вернутѣе? Но вѣдь мы такъ близко отъ входа, что еще слышна музыка.

Они осторожно двинулись дальше. Менгеръ зажгъ карманный электрическій фонарь и все время держалъ его такъ, что Ида оставалась въ глубокомънотѣтѣ сѣнѣ.

— Какъ дивно эти камни! Я чувствую, что надъ нами стоитъ весь Раноми,—сказала дѣвушка.—Нѣтъ, а больше не могу! Зѣбѣ слишкомъ душно!

Они сѣзали еще нѣсколько шаговъ, повернули обратно и очутились въ какой-то обширной пещерѣ, гдѣ стояла перевернутая заржавленная батарея и слышались захлебывающіеся шумъ испуганныхъ коней, издающаго въ безпомощномъ пропѣтѣ.

— Мы здѣсь не были!—останавливаясь, съ испугомъ сказала Ида.

Менгеръ подѣлъ фонарь надъ головой. На нихъ злобно глядѣли наивнѣйшія каменные громады, потрескавшіяся свѣтомъ.

— Пойдемте отсюда!—въ ужасѣ прошептала дѣвушка, таща за руку своего спутника.

— Но куда?—спросилъ, ради Бога, вѣдь мы можемъ окончательно заблудиться!—Онъ остановилъ фонарь на землѣ, усмиряющую обломками углѣй, и прислушался.—Слышите? Музыка! Теперь я знаю, куда идти.

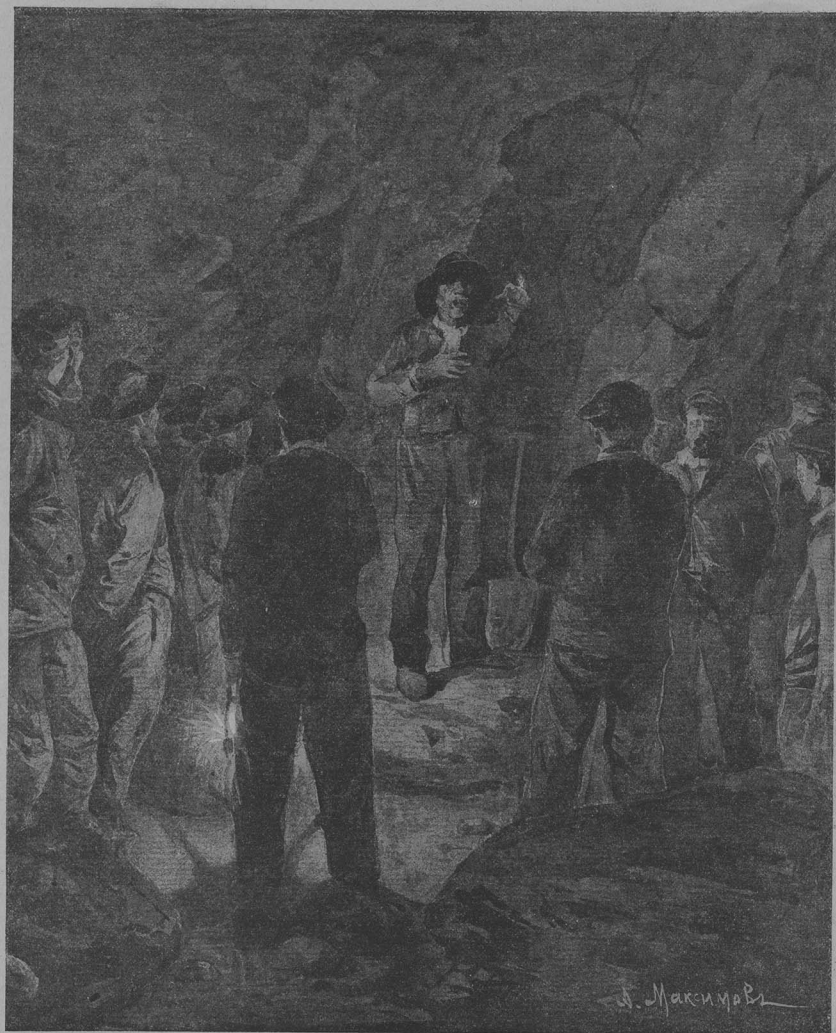
Менгеръ рѣшительно направился къ одной изъ черныхъ расщелинъ, и за нѣмъ покорно, не возражая, шла Ида. Музыка, играемая вальсомъ, то удалялась, то приближалась; галлерей не было, и нѣтъ ни стѣнъ, ни потолка, ни пола, и наконецъ, совершенно обезличенные, они очутились на каменѣ, загороженный нѣмъ дорожку. Они сидѣли такъ близко другъ отъ друга, что Менгеръ чувствовалъ, какъ дрожитъ рука дѣвушки. Она взглянула на него глазами полными слезъ и прошептала:

— Неужели мы навсегда останемся здѣсь?

Въ эту минуту Менгеру хотѣлось, чтобы они еще долго ходили вдвоемъ по лабиринту, созданному руковождя, и что Ида, Углубившись въ царство мрака, не выберется никогда.—Настѣе падаютъ. Но я хотѣлъ бы, чтобы это случилось не скоро.

— Почему?

— Потому что эти камни держатъ васъ около меня.

„Между небом и землей“.
Рис. А. Максимов.

— Для этого, может-быть, не нужно цѣлato подземного лабиринта, — отвѣтила Ида, улыбаясь сквозь слезы. — Но все-таки поддемте! — продолжала она, отнимая свою руку.

Они снова наудачу двинулись вперед, руководимые тѣмъ инстинктомъ, который заставляетъ всѣхъ заблудившихся бродить до полного изнеможения, иногда безъ всякой надежды на спасеніе.

Неожиданно впередъ блеснули яркій свѣтъ, послышались громкіе голоса, и молодые люди, скрытые за обломкомъ скалы,

— Мы пережили страшное время, — услышали Ида и Менгѣръ. — Когда сюда пришли нѣмцы, насъ было всего тридцать человѣкъ... (стр. 392).

увидѣли странную картину, которая навсегда осталась въ ихъ памяти. Среди круглой пещеры стояла кучка рудокоповъ, чело-вѣкъ десять или пятнадцать. Въ этой неподвижной толпѣ были старики и молодые, на всѣхъ лицахъ застыло одно выраженіе, которое дѣлало ихъ похожими другъ на друга и въ которомъ было что-то общее съ мрачными и суровыми глыбами камня, нависшими сверху и съ боковъ. Красный свѣтъ фонарей освѣщалъ покрытыя черной пылью ломотья, доски и кирпичи, отполиро-ванные и истертыя долгой работой. Рудоконы со вниманіемъ

„Между небомъ и землей“.
Рис. А. Максимов.

— Скажите,— обратилась Ида къ своему спутнику, когда они шли за однимъ изъ столиковъ,— возможно ли, чтобы рядомъ съ этимъ миромъ существовалъ тотъ, другой?.. (стр. 392).

заговорщиковъ слушалъ высокаго стѣного старика, который, стоя на глыбѣ угля, говорилъ рѣзкими, металлическимъ голосомъ.

— Мы пережили страшное время,— услышали Ида и Менгеръ.— Когда сюда пришли иѣммы, насъ было дѣтихъ тридцать человекъ, а теперь осталось всего тринадцать! Гдѣ ваши дѣти? Гдѣ жены и матери? Я благодарю Бога, что не вижу теперь Раномъ и, расхаживая среди его развалинъ, все еще представляю его себѣ такимъ, какимъ онъ былъ до войны. Ни здѣсь ни тамъ наверху враги не оставили ничего. На что вы можете надѣяться? Я вамъ отвѣчу. Все будущее этого клочка земли заключается въ вашихъ рукахъ и въ вашемъ сердцѣ. Не поддавайтесь малодушію, не слушайте такихъ людей, какъ Витстонъ! Или намъ товарищи Шаветъ, которые предлагаютъ все бросить и бѣжать отсюда.

Старикъ говоритъ съ приемами очень опытнаго митинговаго оратора. Онъ не волнуется, не гнѣшится и чутокъ сдѣлалъ за настроеніемъ кучки своихъ слушателей, которые поддерживали его одобрительными восклицаніями.

— Я не вѣрю въ сумасшедшія бредни о томъ, будто бы наука неожиданно открыла путь въ другіе міры. Можете-быть, это когда-нибудь случится, но насъ не будетъ среди тѣхъ, кто покинетъ землю для неба. Мы дѣти земли и, пока живы, не проклянемъ ее даже на рай. Опозоренная, оксверженная, она все же для насъ дорожее, чѣмъ всѣ сверкающія звѣзды.

— Очень хорошо!— съ едва скрытымъ раздраженіемъ сказалъ одинъ изъ рудокоповъ, которого Ида видѣла на лекціи Витстона.— Но, право, товарищи, странно слышать такихъ рѣчей отъ старика Мальяра, душищаго оратора непримиримыхъ рабочихъ.

— Подожди, Шаветъ! Я молчалъ, пока ты говорилъ.

— Я знаю, куда ты клонишь,— ты хочешь уничтожить Левиафана!

— Да, я его уничтожу!— смѣло отвѣтилъ Мальяръ, и слова его были заглушены энергичными сочувственными возгласами.— Это безсмысленное чудовище ненавистно мнѣ, потому что въ немъ заключена идея, разсѣлающая войну. Я всю жизнь искалъ земного счастья.

И что же ты намелъ?— насмѣшливо спросилъ Шаветъ.— За проклятую работу подѣл землей тебѣ платили ровно столько, чтобы ты не умеръ съ голода. Сосчитай, сколько разъ ты видѣлъ солнце, прежде чѣмъ уйдешь. Теперь на мѣстѣ твоего дома— обгорѣлые камни, сыновья убиты на Маасѣ, и ты не знаешь даже, гдѣ ихъ могилы. Не много тебѣ дала земля, Мальяръ! И по моему ты напрасно вѣчно спорилъ съ обгорѣлымъ Гилуа, который тоже соображалъ тебѣ чаще смѣлѣть на небо.

Эти горячія слова не произвели на слушателя ни малѣйшаго впечатлѣнія.

Со всѣхъ сторонъ посыпались негодующія восклицанія.

— Уходи отсюда! Ступай къ директорамъ „Эмгратанъ“! Мы обидѣмся и безъ тебя! Не вдумай только насъ выдать! Говори, Мальяръ, что надо дѣлать?

— Я знаю, что надо дѣлать!— сказалъ одинъ изъ рудокоповъ,

который былъ на цѣлую голову выше своихъ товарищей.— Эти дураки поставили свою машину какъ разъ надъ потолкомъ копи Св. Христофора. Тамъ, вы знаете, галлерей давно обвалились, и теперь вся постройка виситъ на тонкомъ слое угля. Должно-быть, самъ чертъ вымѣшалъ въ это дѣло и держитъ ее по снѣгу почти! Вотъ я думаю, что, если бы пуснуть туда огонь и потомъ, когда уголь выгоритъ, заложить пуда два динамита...

— Я ужоу,— сказалъ Шаветъ.— Вы знаете, что я не предатель, но вы еще покажете о томъ, что дѣлаете...

Онъ повелъ себя, и сопровождаемый вѣрными взглядами, легкой походкой направился по темнымъ галлереймъ съ такой увѣренностью, какъ будто шель по ярко освѣщеннымъ улицамъ. Ида, которая едва держалась на ногахъ отъ волненія, и Менгеръ пошли вслѣдъ за рудокопомъ, и къ своему удивленію, черезъ нѣсколько минутъ увидѣли длинную ленту огней галлерейхъ, открытыя для публики. Среди разнообразныхъ электрическихъ лампъ и разряженной толпы Ида показала, что они вернулись изъ царства призраковъ.

Сканите,— обратилась она къ своему спутнику, когда они шли за однимъ изъ столиковъ,— возможно ли, чтобы рядомъ съ этимъ миромъ существовалъ тотъ, другой, который мы видѣли? И какой изъ нихъ настоящій? Или оба они только миражи? Подуче холодный вѣтеръ, и онъ исчезъ.

— По-моему, сдѣлало бы все-таки предупредить главныхъ инженеровъ объ этихъ заговорщикахъ,— задумчиво сказалъ Менгеръ.

— Не смѣйте этого дѣлать!— горячо воскликнула Ида.— Я вамъ запрещаю объ этомъ говорить хоть одно слово! Слышите?

Молодой человѣкъ съ удивленіемъ взглянулъ на раскраснѣвшееся лицо дѣвушки.

Вы, значитъ, въ заговоръ съ этимъ Мальяромъ и другими?— улыбаясь, спросилъ онъ.

— Я не хочу выдавать чужихъ тайнъ.

— А Левиафанъ?

— Пусть онъ погибнетъ! Я ничего такъ не желаю. Меня не привлекаетъ ваше холодное пустое небо съ его невѣдомыми мірами. Я вѣрю, какъ и Мальяръ, въ то, что ужасны войны свѣтятся полноты и свѣтлымъ счастьемъ, какъ и въ этомъ. Мы завоюемъ новый міръ не тамъ, а здѣсь. Мы носимъ его въ своемъ сердцѣ.— повторила она слова рудокопа.

— Ну, а если все-таки наукѣ удастся осуществить эту великую мечту? Динамитомъ такой идеи разрушить нельзя: она безсмертна!

А давно ли кто-то говорилъ, что чувствуетъ себя счастливымъ, со мною даже въ этомъ каменномъ селеніи? Но пусть осуществится эта ваша чудная идея: пусть въ небѣ тѣхъ-нибудь откроется для людей та прекрасная страна, о которой говорятъ агитаторы, приглашенные Стоктономъ. Пусть! И вотъ, если бы я вамъ сказала тогда: выбирать небо безъ меня или землю со мною, что бы вы отвѣтили?

— Пусть погибнетъ Левиафанъ, я готовъ самъ пойти и помогать зтому Мальяру,— отвѣтилъ Менгеръ.

На другой день утромъ, когда Ида подошла къ окну, она увидѣла огромный столбъ густого черного дыма, поднимавшагося рядомъ съ верфью. Слухъ о подземномъ пожарѣ уже распространился по всему Рансому. Въ гостиницѣ многие торопливо укладывали своихъ вещи, чтобы ѣхать въ Шарлеруа. Управляющіе, лекторы и агенты компаній и самъ Стоктонъ выбѣгивали изъ снѣгъ, чтобы доказать, что никакой опасности нѣтъ, и что произошла лишь запершая полнота подземного огня. Но чѣмъ нѣтъ уже не вѣрили. Къ вечеру работа прекратилась, дымъ окуталъ всю верфь, и Левиафанъ плавалъ въ густыхъ облакахъ, которыя по временамъ совершенно скрывали его корпусъ. Наступила тревожная ночь. Въ Рансомѣ никто не ложился спать, и всѣ чего-то ждали. Въ одной изъ залъ гостиницы до разсвѣта засѣдалъ совѣтъ главныхъ инженеровъ и директоровъ подъ прѣдсѣтельствомъ самого Стоктона. Не было тамъ ни одного Спирона. Въ нѣтъ не могли найтти и начинать думать, что съ инженеромъ случилось какое-нибудь несчастье. Среди общей сумятицы, истерзанности одинъ Стоктонъ сохранялъ невозмутимое спокойствіе. Онъ вслушивалъ слова своихъ подчиненныхъ и друзей съ видомъ человѣка, обдумывающаго какой-то важный планъ, и никому не давалъ рѣшительныхъ отвѣтовъ, все затянута и затянута обсужденіе тѣхъ мѣръ, которыя могли бы еще спасти сооруженіе отъ гибели и остановить развитіе подземнаго пожара. На разсвѣтъ,

въ залу, гдѣ въ облакахъ табачнаго дыма все еще засѣдало правленіе „Всемирнаго Эмигранта“, ворвался Скларовъ. Его костюмъ былъ въ безпорядкѣ, руки и лицо покрыты слоеной копотью. Не замѣкая обращенныхъ на него удивленныхъ взглядовъ, онъ подбѣжалъ съ ходу и, захватывая отъ радостнаго волненія, крикнулъ Стоктону:

— Я нашелъ! И вѣдь это было такъ просто! Какъ мы всѣ раньше не видѣли, что надо сдѣлать, чтобы рѣшить послѣднюю задачу? Не понимаю! Вотъ, смотрите!

И, схвативъ со стола карандашъ, онъ началъ увѣренно и быстро набрасывать широкими штрихами рядъ чертежей и формулъ, въ теченіе пяти минутъ ждавъ всея міра, стѣнившій за окончаніемъ постройки Левиафана. Сначала въ залѣ стояла мертвая тишина, потомъ вдругъ всѣ встали со своихъ мѣстъ, окружили инженера, и Скларовъ не успѣлъ кончить своихъ объясненій, такъ какъ его голосъ заглушили шумными восторженными восклицаніями, возгласы удивленія и восхищенія. Стоктонъ поблѣднѣлъ и разомъ потерялъ все свое хладнокровіе.

— Я боюсь, что мы опоздали! — сказалъ онъ. — Если бы вы сдѣлали это вчера!

Онъ началъ отдавать торопливныя приказанія: въ нѣсколько минутъ поставивъ на ноги всѣхъ рабочихъ и вмѣстѣ съ инженерами послать ихъ отвести въ горѣвшую галлерею воду изъ прудовъ и ручьевъ Рансома. Но было уже поздно. Подземные своды, охваченные пламенемъ, начали замѣтно уступать давленію огромной массы жельза и камня; почва подъ Левиафаномъ колебалась, съ страшнымъ грохотомъ рушились связи и скрѣпы, и корпусъ судна дрожалъ и раскачивался, словно охваченный бурей. Каждое его движеніе сопровождалось криками огромной толпы зрителей, собравшихся на другомъ концѣ Рансома. Никто, не исключая и самыхъ трусливыхъ, собиравшихся недавно бѣжать въ Шарлеруа, не могъ отвести глазъ отъ этого зрѣлища медленной гибели стальнаго чудовища, озареннаго перлыми лучами восходящаго солнца. И вдругъ вся эта толпа, среди которой стояли Ида, ея дядя и Менгеръ, замерла отъ ужаса. Къ Левиафану бѣжали четыре человека, — Скларовъ, Лебренъ, агитаторъ Витстонъ и Шавель.

— Мы еще успѣемъ пустить въ ходъ машину! — крикнулъ Скларовъ, — тамъ цѣлая Нагара энергій, — и отвѣдемъ ее въ безопасное мѣсто! Скорѣй!

Всѣ они черезъ нѣсколько минутъ исчезли въ облакахъ дыма и долго спустя, — промѣжутъ этотъ полчасъ зрителямъ цѣлой вѣчности, — появились на розовой отъ лучей солнца поверхности гигантскаго ящера.

— Смотрите, вотъ, Мальяръ! — сказала Ида, схвативъ за руку Менгера и глазами указывая на высокую фигуру сѣлаго рукокола. Онъ стоялъ такъ, что солнце было прямо въ его лицо, и съ высоко поднятой головой къ чему-то прислушивался.

— Я знаю, чего онъ ждетъ, — сказалъ Менгеръ.

Въ это мгновеніе оглушительный взрывъ потрясъ весь Рансомъ. Волна подземнаго прибоа прокатилась подъ равниной и разбилась подъ верфью. Толпа, бросившаяся бѣжать въ разные стороны, увидѣла, какъ Левиафанъ, развалившись на дѣль, что стремилась его направить, воля человека, и, наклонившись, тяжело рухнула на землю, исчезнуть, среди горы обломковъ и клубовъ дыма.

* * *

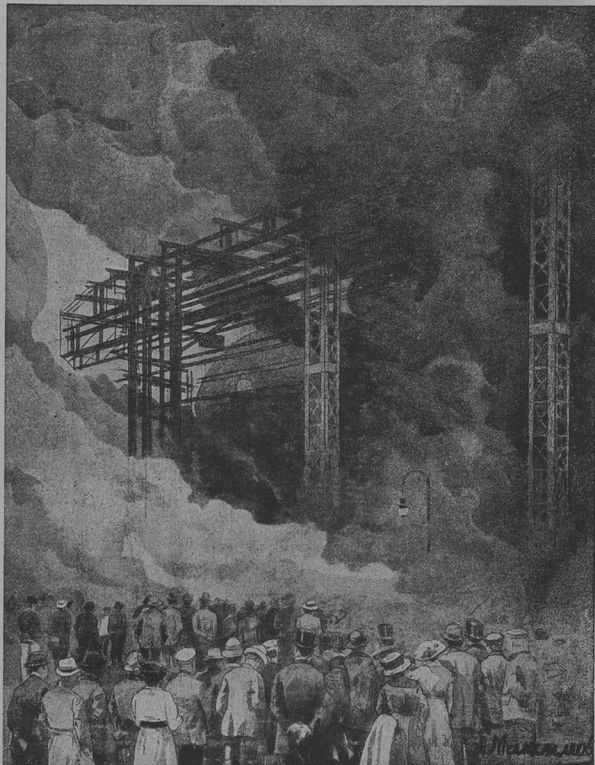
Дерзай, народъ... Ты всталъ — и пали цѣпи.
Ты зашумѣлъ, какъ вѣшняя рѣка...
Но красота былыхъ великолѣпій
Да пошадитъ народная рука.

Губить легко... Ударъ — и нѣтъ статуи.
Кинжала взмахъ — померкъ Мадонны ликъ...
Влюбленность въ гармонію святу,
А не злодѣйствомъ человекъ великъ.

Великимъ будь, о, ты, народъ великій!
Взойдя въ дворецъ, дворца достойнымъ будь...
Не разрушай... Прекрасны базилики,
Чья бъ ни дышала роскошью ихъ гробы.

Зови туда всѣхъ, счастьемъ обдѣленныхъ,
На пиръ искусствъ, а не на гнѣвъ и страхъ...
Умѣлъ ты жить въ избушкахъ прокуренныхъ,
Теперь жить пробуй въ царственныхъ дворцахъ!

Алексѣй Липецкій.

„Между небомъ и землей“.
Рис. А. Максимова.

Подземные своды, охваченные пламенемъ, начали замѣтно уступать давленію огромной массы жельза и камня... (стр. 393).

Женский Батальон Смерти.

Русская женщина, видя безсилie словъ призыва къ защитѣ родины на фронтѣ, рѣшила подвинуть своихъ отцовъ и братьевъ личнымъ примѣромъ.

Въ Петроградѣ образовался Женскій Союзъ помощи родимъ, организующій активную защиту родины на фронтѣ. Сълѣдя его призыву, нѣсколько сотъ молодыхъ женщинъ образовали первый „Батальонъ Смерти“. Есть среди этой мужественной молодежи много интеллигентныхъ, курьистки, сестры милосердія. У восьмерыхъ изъ нихъ грудь украшена Георгіевскимъ отличіемъ. Грудь, украшенная высшимъ отличіемъ за подвигъ милосердія, мужественно открыта теперь врагу.

Ихъ лозунгъ—смерть за свободу и за честь родины. Въ этомъ залогъ ихъ безсмертія.

Командующая Женскимъ Батальономъ Смерти—унтеръ-офицеръ Марія Бочкарева. героиня нынѣшней кампаніи, шесть разъ раненая и много разъ награжденная за воинскіе подвиги на полѣ брани. Передъ выступленіемъ Батальона Смерти на фронтъ Марія Бочкарева произведена всеннымъ министромъ А. Ф. Керенскимъ въ офицеры.

отдыхъ и простой солдатскій обѣдъ. Двойной рабочей день и семь часовъ сна на голыхъ доскахъ.

Обученіе строю, ружейнымъ приѣмамъ и проч. пройдено всѣми четырьмя заводами Женскаго Батальона въ очень краткій срокъ. До выступления на фронтъ Батальону Смерти произвелъ смотръ Главнокомандующій войсками Петроградскаго округа генераль-майоръ Половцевъ.

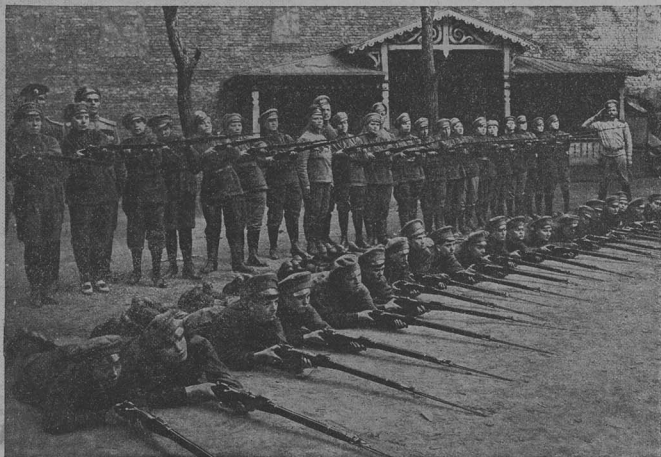
Георгіевскіе кавалеры Женскаго Батальона Смерти. Рядовыя батальона, во главѣ съ командиромъ Бочкаревой, награжденная Георгіевскими отличіями за свою прекрасную боевую деятельность для русскаго воинства.

Ихъ вождь—женщина-воинъ, испытанный боевецъ, унтеръ-офицеръ Марія Бочкарева, жена солдата-крестьянина. Шесть разъ раненая въ эту войну и награжденная за выдающиеся боевые подвиги солдатскимъ Георгіевскимъ крестомъ, Марія Бочкарева—заслуженная избранница избравшихъ Смерти. Вѣра ихъ въ своего доблестнаго командира—твердая, сѣвшая; повиновеніе—незыблемое.

Въ этомъ Батальонѣ Смерти всерьезъ „легионъ безсмертныхъ“.

Леонидъ Спартакъ.

Спартакская простота и дисциплина во всемъ. Встаютъ въ 5 часовъ утра и обучаются на плацу до 9 часовъ вечера. Краткій

Женскій Батальонъ Смерти. Обученіе стрѣльбѣ на плацу батальона.

Женскій Батальонъ Смерти, организованный въ Петроградѣ унтеръ-офицеромъ Маріей Бочкаревой и отправившійся на фронтъ 23-го іюня с. г. По фот. Я. Штейнберга.

Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал-майор Половцев производит смотр Женскому Батальону Смерти в батальонном плацу.

Батальон Смерти выступил на фронт 23-го июня. В страшный, огульный час, русская женщина мужественно подняла голову и вышла в ряды передовых бойцов. Пусть это будет пример, высокий пример патриотизма, убедительный пример гражданственности. Пусть высится золотое с черными крестом знамя Женского Батальона Смерти во славу русской женщины, пусть украсит эстафету ползать си странная новая русская история.

Русское воинство торжественно проводило Батальон Смерти, вручив ему знамя победы.

На торжество вручения знамени Женскому Батальону Смерти собрался на Исаакиевскую площадь 9-й запасный кавалерий-

Команда с объёдом для батальона. Объём выдавался из близ расположенных казарм гвардейского флотского экипажа.

За объёдом в батальонной столовой.

Женский Батальон Смерти, организованный в Петроград унтер-офицером Марией Бочкаревой и отправившийся на фронт 23-го июня с. г. По фот. Я. Штейнберга.

ский полк, 1-й и 4-й донские казачьи полки, дружина добровольцев уланых, юнкера Михайловского артиллерийского училища, запасные гвардейские батальоны Преображенского и Волынского полков, гвардейский и Балтийский флотские экипажи. Все эти воинские части участвовали затем в шествии по всему городу для выражения сочувствия наступлению нашей армии на фронт, для призыва страны к победному движению на врага.

Пришедший знамя Батальона было прикрито знаменем Союза Георгиевских кавалеров. Это было символом благословения героев войны грядущим героям.

Под сень Георгиевского знамени стояла и Мария Бочкарева. Союз Георгиевских кавалеров передал новопризведенному офицеру — командиру Батальона Смерти портупею, шашку и револьвер.

Мария Бочкарева обнажила шашку, поцеловала ее и, опустившись на колени, земно поклонилась делегатам Союза Георгиевских кавалеров.

Церковь благословила великий подвиг доблестных женщин. Петроградский архиепископ Вениамин и Уфимский епископ Андрей участливо в Батальон Смерти образом Тихвинской Божией Матери.

Во главе делегатов, многих женских организаций, явившихся на торжество женской доблести и патриотизма, была замечательная поборница женского равноправия в Англии, мисс Панкхерст, недавно прибывшая в Петроград, для ознакомления с женским движением в революционной России (см. портр. на стр. 401).

Запись волонтеров в ударные батальоны в Петрограде.

Выдача волонтерских билетов отправляющимся на фронт добровольцам революционной армии.

Гаспарь. (Солдаты на войне).

Повесть Рене Беннжамэна.

Авторизованный перевод с французского М. П. Благовещенской.

(Продолжение).

Когда Гаспарь явился наконец в казармы с опозданием, в пятьдесят три часа, фуриер встретил его возгласом:

— Ну, брат, хорошая катавасия тебя ждала!

Гаспарь принял вид оскорбленной невинности и ответил с достоинством:

— Во-первых, по какому праву вы «тыкаете» мне? А потом, кажется, я с вами не заговаривал... Подпрапорщик вы, кто ли? Ну? Ну, так что же вы?

Но подпрапорщик был уже тут, он приблизился. Вот уже две ночи, как Дюпуй не смыкает глаз! Он уже заранее смаковал свой рапорт по начальству. Он зарычал:

— Великолепно! Хорошую шутку вы выкинули! Вы, подлецающий отсылок на фронт! Это пахнет военным судом и дисциплинарным батальоном!

Гаспарь принял вызывающую позу:

— Я объяснюсь перед офицерами.

Вскорь появился лейтенант.

— А, вот он, дезертир... Это еще что такое?

Гаспарь ответил упрямно:

— Прощу разрешения поговорить с капитаном.

Капитан побывал уже на войне. Это был друг Пюма. А потому Гаспарь не боялся капитана. Однако, когда он явился к нему, то увидел, что губа его отнюдь не улыбается, и в глазах его не проглядывает и тени снисходительности. Гаспарь смутился и заговорил, запинаясь:

— Капитан... во всем виновата магия. Я говорил им насчет отпуска, а они сказали, что это ничего не значит, что пусть мой мальчишка остается незаконным... А вот это-то и мучило меня. Я не мог возвратиться сюда, не поршившись с этим дьяволом... Гаспарь, я не хотел, чтобы говорили, если бы я пошел, что Гаспарь негодий, раз его мальчишка остался незаконным... А теперь мой сын Гаспарь, как и я... и если ты синишь вздумать через двадцать лет снова напасть на нас...

— Это все равно, — сказал капитан. — Существуют правила, и я должен посадить тебя.

— Капитан, — возразил Гаспарь, — я прошу разрешения немедленно же отправиться на фронт, чтобы задать там трепку божьим.

— Немедленно? — замечил капитан. — Уже не думаешь ли ты, что на фронт отправляются каждые три минуты, как трамвай с Монпарнаса? Нет, не раб, как через десять дней.

— Поступайте... капитан... Видь это из-за моего мальчишки... Дядю не в одном только твоём снине, — возразил капитан. — Тебя ставят в вину еще историю с жандармом... Я получил донесение. Что ты там надбавлял перед отъездом отсюда? Видь ты оскорбил жандарма?

— Оскорбил! — удивился Гаспарь. — Этакая падаля!.. Вы послушайте только, капитан, я расскажу вам все по порядку, как это произошло. Вдруг, откуда ни возьмись, позади меня появилась эта шутя торох...

— Не забывай и выбирай приличные выражения!

— Да, так воть... увидя его, я пошел скорбе. Он тоже пошел скорбе. А я и говорю себе: «Э, да этот парень думает, что он поймал мошенника! Так доставим ему удовольствие!»

Слава Богу, я был чист и невинен и ничего не знал за собой, так, чего же там... И вот я начал свист, он, за мной. Наконец он нагнал меня и говорит: «Почему это вы бежите?» А я: «Почему я бегу? Да потому, что я тороплюсь».

А он мне: «Почему же вы так торопитесь?» А я ему: «Почему я тороплюсь? Господи, да потому, что я опоздал». Тогда он мне говорит так: «Вы заставили меня бежать с самой площади. Вы, должно-быть, просто ударили».

«Ударяю?» — говорю я. — «Зачем, мей ударили?» А он мне: «Дядю, а есть ли у вас отпуск?» А я ему: «Есть ли у меня отпуск? Надо полагать, что у меня есть отпуск». Тогда он мне: «Почему же вы его не предъявляете, раз он у вас есть?»

«Почему я его не предъявляю»...

— Послушай, милый мой, — прервал его капитан, — тебе мало, что ты вывел из терпения жандарма, ты хочешь и меня довести до базла каления? А несчастного жандарма ты действительно замучил! Мало того, прерываясь с ним, ты сказал наконец, что предпочитаешь лучше быть божьим, чем жандармом!

— Капитан, утворю вас...

— Довольно! Сейчас же отправляйся под арест... А потом помстись.

Это было сказано твердо и решительно. Гаспарь едва успел показать руку своему другу Муссу, который во-первых явился из отпуска и был в отчаянии от истории с Гаспарем. Гаспарь отнес в карцер, и он проведет там ночь. На следующее утро, когда он вышел оттуда, он поразил всех своим видом. Его товарищи по несчастью, ночевавшие в карцер,

разказывали, что он плакал до глубокой ночи и все повторял:

— Нить больше правды на землѣ, нить справедливости! Не хочу, чтобы кто-нибудь изъ мальчишков, которые у меня еще родятся, былъ законнымъ! Пусть всѣ будутъ незаконными, разъ въ этой паршивой странѣ... для того, чтобы ребенокъ былъ законнымъ, отецъ долженъ ночевать въ тюрьмѣ!

Капитану стало жалко Гаспаря, когда онъ увидалъ его физиономію, и онъ сказалъ:

— Гаспарь, тебѣ придется отсидѣть восемь дней... сполна. Требуется двадцать охотниковъ черезъ сорокъ восемь часовъ. Ты согласишься идти?

— Согласенъ ли я!—крикнулъ Гаспарь въ восторгѣ.

— Въ такомъ случаѣ, эти два дня ты будешь помогать въ кейтхаузѣ. Ты отбѣсишь моихъ рекрутовъ.

— Слушаю! Это... это мнѣ дѣло знакомое.

Но какъ разъ въ этотъ моментъ появилась Дюпуйя. Въ рукахъ онъ держалъ донесеніе, глаза его горѣли злорадствомъ. Гаспарь нахмурился брови. Да... дѣло въ томъ, что это донесеніе опять касалось Гаспаря. Жалоба полицейскаго управленія.

Капитанъ побаррикадировалъ его гнѣва.

— На этотъ разъ скандалъ въ Парижѣ! Съ полицейскимъ! Здѣсь ты сбился съ жандармомъ, тамъ оскорбилъ полицейскаго..

— Ахъ, капитанъ... на этотъ разъ... мнѣ дѣйствительно не повезло... потому что вышла цѣлая исторія... Вотъ послушайте, капитанъ... Я прибѣжалъ въ Монпарнасъ ко старухѣ, съ мальчикомъ и съ Бибиш... Бибишъ—это моя жена, и ее звали Бибишъ... Такъ въ дверяхъ возлага и остановился на минутку, чтобы еще разъ взглянуть на площадь. Вдругъ возлѣ меня выринулъ фараонъ...

— Тебѣ уже говорили, чтобы ты выбиралъ выраженія!

— Такъ вотъ... какъ его... ну... онъ говоритъ: «Входите, выходите, но не стойте тутъ». Тогда... можетъ-быть, я былъ не правъ... а и сейчасъ, что можетъ-быть, я былъ не правъ... только я сказалъ: «Ладно! Прибереги-ка лучше свое раскорѣе для мирного времени! Не пристаю тебѣ командовать старымъ солдатамъ!» Ну, тутъ рожа у него стала такого же цвѣта, какъ мое кепи, и онъ спросилъ у меня мое имя, фамилію, матрикулъ, возрастъ моей матери... Я далъ ему всѣ свѣдѣнія, мнѣ было дѣсно, что все это его такъ интересуетъ. А потому я ему сказалъ: «Вышвыль чортъ... Я не спрашиваю у тебя гнѣвого имени, потому что знаю, что имя тебѣ паршивое, и не спрашиваю, что ты дѣлаешь, потому что ты никогда ни черта не дѣлалъ...»

— И ты все это сказалъ?

— Такъ и сказалъ!

— И ты, повидимому, съ радостью разказываешь объ этомъ! Нить, иди, иди назадъ въ карцеръ! И моментально! Марш!

— А... какъ же... отбѣгать рекрутовъ!...—рискуя напомнить Гаспаря.

Въ карцерѣ! Безъ разсужденій!

Во время разговора съ капитаномъ Гаспарь поспѣлъ забыть о чортѣ въ карцерѣ, и къ лицу его пришла кровь. Теперь же онъ снова поблѣднѣлъ. Направлялся въ карцеръ, онъ мелькомъ увидалъ Мусса, который бродилъ, точно душа грѣшника въ чистилищѣ.

Однако и на этотъ разъ Гаспарь вышелъ изъ карцера уже черезъ двадцать четыре часа, такъ какъ отправка охотниковъ была отсрочена.

Капитанъ велѣлъ позвать его къ себѣ:

— Ты отправляешься немедленно. Ты доволенъ?

— Немедленно! Ей-Богу!.. И вы, капитанъ, отправляетесь съ нами?

Крикъ сердца. Капитанъ понялъ его. Онъ крѣпко пожалъ ему руку и пожелалъ удачи. Потомъ онъ прибавилъ:

— Зайди еще ко мнѣ, когда снарядишься въ путь.

Гаспарь забылъ карцеръ, онъ не помнилъ себя отъ радости. Но... не успѣлъ онъ уйти изъ канцеляріи, какъ пришло донесеніе отъ команданта съ жалобой акцизнаго управленія. Создать Гаспарь обвинялся въ томъ, что, возвращаясь изъ отпуска, на-мѣревался тайно пронести литръ алкоголя и былъ въ высшей степени дерзокъ съ акцизными чиновниками.

Ну, на этотъ разъ капитанъ не помнилъ себя отъ гнѣва! Онъ крикнулъ:

— Да вѣдь въ немъ сидятъ самъ чортъ!—И крупными буквами онъ написалъ на донесеніи: «Отправленъ на фронтъ».

Потомъ онъ воскликнулъ:— Чтѣ за дикарь! Отправь его немедленно. Пусть онъ ни секунды больше не остается въ ротѣ! Онъ кончитъ тѣмъ, что попадетъ подъ судъ!

— Я ему это говорилъ,—замѣтилъ ехидно Дюпуйя.

— И чортъ не поладитъ мнѣ больше на глаза. Я не хочу видѣть его больше! Пусть уберется къ чорту!

Гаспарю передали о рѣшеніи капитана. Онъ былъ въ отчаяніи. Онъ только-что успѣлъ снарядиться въ путь, на сплнѣ у него былъ набитый ранецъ, сбоку висѣлъ мѣшокъ, на плечѣ ружье—въ такомъ видѣ онъ хотѣлъ пойти попрощаться съ капитаномъ. Онъ подблизился своимъ горемъ съ Морю, къ которому относился теперь съ искривленнымъ презрѣніемъ; но вѣдь при разставаніи многие забываютъ. Онъ ему сказалъ:

— Послунай, голубъ... Капитанъ зовъ. Я это понимаю. Я со-знаюсь: я натворилъ много чего, надѣлалъ гадостей... но мнѣ

Прибывшая въ Петроградъ делегація
Союза Георгіевскихъ кавалеровъ.

Послѣ освященія знамени св. Георгія.

всё-таки... как-то тяжело уходить так... потому что, в сущности, это добрый малый, который не пропустил твоей смерти, — переждём богами... Так, вот я хочу тебе сказать, голубчик, что перед самым отъездом я решил... подарить ему на память, понимаешь ли... улиток, которых я привёз из Пантрона... крупишки буржуазных—это, знаешь ли, так, что всё пальчики себя облизывает... Вот он... возьми... и отдай их ему. Скажи так: «Не сердитесь, это гостинiec от свавды Гаспар, который благодарит вас за то, что вы его так быстро отпустили...» Ну, вот... А потом ты мне напишешь... не правда ли?... обрадовался ли он, и понравился ли ему улитки... Мне было бы очень приятно, если бы он обрадовался... И, видишь ли, ужимаю и радуюсь... И мой однокашник, господи Мусс,—о, это настоящий товарищ!—вот посмотри на него, он тоже радуется... Чего же тут удивительного, ведь это настоящий праздник.

На этот раз он покинул казармы въ отряд, состоящий всего из двадцати человек. Это было уже не то, что в первый раз, когда так торжественно выступал въ поход, весь полк. Теперь это было маленькое подразделение для одной из дивизии на фронт. Но ведь съ Гаспаром даже и кучка из двадцати человек принимала внушительный вид.

Он шёл вперёд, рядом со своими тремя хорошими друзьями. И снова они шли въ сравнен ровным шагом, молодцевато выпрямив спину. Мусс, который не умел придавать себе молодцеватого вида, шёл рядом и прислушивался к биению своего сердца. Ему было странно, что этот маленький, незрелый человек, въ котором он провёл столько томительных дней, вдруг превратился для него въ нечто значительное, въ нечто такое, чего ему было бы чуть ли не жалко не увидеть больше никогда.

На показавшихся команданте, чтобы отправить маленький отряд. Значительная часть и фигура Гаспара приковали къ себе его взгляды, и он обратился къ нему:

— А, охотники? И вы только бравые, отборные французы?

— Мы,—ответил Гаспар (и он покраснел от чувства гордости),—мы всё тут товарищи и однокашники, и мы желаем только одного—йти на врага! И мы пойдем и съ радостью умрем, если так суждено...

— Да здравствует Франция!—принял команданте.

— Да здравствует Франция!—подхватили солдаты.

Солдаты разделили въ дух отъехавших III-го класса, и команданте исчез. Складывая свои вещи, Гаспар выронил из кепи маленькую фотографию.

— Ты теряешь свою жену и своего мальчика,—сказал ему спокойно Мусс.

Гаспар перевернула эту этикетку. Он ответил:

— Я их теряю, но и фигура Гаспара приковали къ себе его взгляды, и он обратился къ нему:

— А если ты не найдешь их больше,—замечил один из солдат,—то въ этом не будет большой беды, потому что ты понадобишься команданте, что ради бегущих, если тебе угодно, шатающихся.

Гаспар поднял голову. Неужели же ему ставить въ укор его патристический порыв? Уже не прихвастывая ли он немногочисленности? Что подумает господи Мусс, такой образованный и так гордо поворачивавший нос, и который ничего не говорил? Как бы то ни было, но у него явилась потребность высказаться перед товарищами свои несколько противоречивые чувства: желание быть отважным и страсть перед возможностью остаться там... И он признался честно и откровенно съ присутствующим прямо:

— Команданте, понимаешь ли ты,—старый слуга... Ну, а раз он держит себя таким молодым, то нельзя же оставаться перед ним в дураком. И потому... мне кажется, что ему доставляет удовольствие высматривать таких шуток!

VII.

После двадцатичасовой трески въ вагоны, тяжелой дремы и вцепившихся пробуждений Гаспар и его товарищи вышли из поезда въ неприглядной местности, окутанной туманом, где повсюду тускло и сыро. Было холодно. Морозный проливающий мелкий дождь. На покрытом линозой грязью перрончике маленькой станции, которая только насквозь промокла на дождь, стоял на часах рослый солдат территориальной армии.

Он смотрел новобригистам:

— А, вот молодцы, которым повезло! Вы из казарм?

— А тебе какое дело—обращать его Гаспар.

— Да никакого. Только вам лучше было бы оставаться там, где вы были.

— Дура голова... Бредово!—выругался Гаспар.

И он подошел къ часовому вилотную и нагго посмотреть ему въ глаза:

— Скажи, почему ты такая робка?

— Ладно, ладно,—ответил тот.—Вот подожди, сам увидишь.

— Ну, и увидишь, так что же из этого?—обрызнулся Гаспар.

— А то, что этот дель—настоящая бляха. Но въ него вопишь, тот из этого уже не выходит больше. Там тебе живо обработают.

— Ну, и пусть... пусть... а мы напелены!—упорствовал Гаспар.

— Довольно было играть часами,—остановил их сержант.— По четверть, и марш вперед!

Резкий вихрь дождя задувал въ глаза. Грохотали пушки. Мусс ничего не говорил, у него было такое чувство, точно душа его заколосилась. Маленький отряд шел вдоль опушки небольшого леса, окутанного туманом. Къ ногам солдат то и дло припиали кучки листьев. Вскоре они вышли на более широкую дорогу, и тогда из тумана точно вынырнули артиллеристы съ лошадами, зарывшимися в туман, повозками и пушками. Длиннотелые лошади мхали грязь, из-под колес разлетались во все стороны брызги. Солдаты въ длинных походных шинелях, сшивавшихся на крупные алошадей, были покрыты грязью, и лица их выражали ту самую покорность измученных животных. Чтобы покрыть комками грязи патерных пёхтинцев, совершенно достаточно одной пушки, которая умбёт за это звание. После того, как мы маленького отряда прохаживали баттар, Гаспар и его товарищи приняли такой вид, будто они только-что вышли из болота. Они крикнули артиллеристам:

— Эй, вы, болваны... на насехали...

Артиллеристы проехали мимо, равнодушные и окаменевшие и точно срослись съ лошадьми и съ сафетами. Эти солдаты казались особенно массивными въ этом сформ туман, настигавшем их, как туман, вихрем и маршируя. За ними съ грохотом, тащались пушки. Каким нитомством представлялась рядом съ ними эта небольшая кучка солдат, медленно шагающих по грязи и собирающихся вернуться въ бой съ прагом, вооруженных лишь тоненькими маленькими ружьями! Пёхтинцы сами это чувствовали.

Съ четверть часа они шли въ полном молчании. Наконец они пришли къ развалинам нескольких домов, из которых лишь все еще оставались деревни. Некоторые стены сохранились целыми и стояли на своих мустах, образуя нечто въ роде дворов. Повсюду валялись груды камней, мусора, тут и там торчали вверх почерневшие балки, точно кулы, поднятые въ отчаянии и вызывавшие: «Помогите!» Кому нужна была помощь, зачем она? Все было кончено. Разрушение и смерть. Все было мертво... Впрочем, казалось, будто камни тут и там шевелились, будто из-под мусора поднимались какие-то черные фигуры... будто среди этого разрушения вставали солдаты.

— Что это такое?—спросил один из охотников.

— Да это пёхтинцы,—ответил Гаспар.

— А что они там делают?—спросил Мусс.

— Они тут раскартированы, развѣ вы не понимаете?—по-яснел сержант.—И вы збѣс будете стоять.

Он остановил солдат перед одной стѣной, въ которой была лишь одна облока или одна стена. Он сказал:

— Вот збѣс... Слѣдуетъ на мной...

Они обогнули стѣну и среди больших камней увидели нечто въ роде люка, къ которому была приставлена дѣштина, спускавшаяся подъ землю.

— Спускайтесь по одному, только поосторожнее, не погните снаряжения.

Мусс спросил:

— Это вход въ ад?

Сержант ответил:

— Это десятая рота.

Из подъема поднялись смѣшанный запах людского пота, табачного дыма, еды и сырости. Когда солдаты спустились въ подземелье, они очутились въ полах, куда едва проникалъ свѣтъ черезъ небольшія окна, убитыя въ фундамент, повсюду видѣлись темныя фигуры людей,—одни навалились, другіе сидѣли на корточках.

Новобригисты встрѣтилъ общій крикъ:

— А, новички!

Впрочем, скорее это былъ не крикъ, а громкое ворчанье. Гаспар засопѣлъ носом, прихихиваясь къ испорченному воздуху, и сказал:

— Ну и дух збѣс... Нѣтъ ли тутъ кого-нибудь съ улицы de la Gaite?

— Эй! Или сюда, приятели!

Въ углу изъ темноты вынырнула рослая фигура. Гаспаръ со смѣхомъ показал ему руку. Потомъ они постарались распрямить въ полумракѣ этого человѣка, такъ радужно встрѣтившаго его, и онъ произнесъ съ недоумѣемъ:

— Такъ ты съ улицы de la Gaite?

Рослый солдатъ, беззубый ротъ котораго совсѣмъ скрывался въ блѣсавой стѣнѣ, отвѣтилъ широко улымаясь:

— Можемъ быть увѣренъ, приятель, я живу у самаго канала

— У канала?

— Да, у канала Фернанда.

— У Фернанда?

Гаспаръ пожелалъ ему руку на плечо:

— Ты поспѣешь надо мной... Изъ какихъ ты мѣстъ?

— Господи, да а изъ Л...

Гаспаръ передернулъ его съ раздраженіемъ:

— Господи, да а изъ Л... Колбаса! И это ты называешь улицей de la Gaite! Настоящая колбаса!.. А еще збѣсались!

Муссъ усталъ въ углу. Гаспаръ растаялъ возлѣ него. На землѣ валялись сырыя и грязная солома.

Мирная манифестация революционной демократии в Петроградѣ, 16-го ноября с. г. *Шестые рабочих делегаций съ плакатами по Невскому проспекту, по направлению къ Марсову полю.* По фот. К. Була.

— Это болото какое-то,—проворчал Гаспарь.

— А вы, милостивый государь, явно, только-что покнужили пуховую постель?—раздался низ драка голоса.

— Нечего важничать,—проговорил другой голос,—и не того еще попопробуешь!

— Ну, и наплевать!—отвѣтил Гаспарь.

Онъ умолял. Слышны были только отрывистыя слова солдатъ, игравшихъ въ карты: «Тридцать... тридцать два... пасея... тридцать пять... тридцать восемь... Ниш, скотина!.. Сорок... Чортъ съ тобой!.. Что за телитина!»

Въ тишинѣ раздавалось журчанье струйки воды, просачившейся у окна, напоминавшее о томъ, что теперь зима. Мусь продрегъ до самыхъ костей. Онъ сказалъ тихо и равнодушно:

— Здѣсь подохнешь...

Гаспарь подхватилъ:

— Бѣдная мама! Если бъ ты видѣла твоего сына...

Немного спустя онъ спросилъ:

— А когда здѣсь жгутъ?

Рослый крестьянинъ съ бѣлосвѣтой бородой снова поджалъ голову, лицо у него было суровое и въ то же время привѣтливое:

— Мы уже закусывали, братецъ.

Гаспарь вспылилъ:

— А когда же закусували? Болванъ! чего ты лѣзешь, когда тебя не спрашиваютъ! За весь день мнѣ удалось пожевать одинъ сухарь, понимаешь? А какого чорта мнѣ отъ того, что у меня въ брюхѣ какой-то сухарь, да еще въ такую собачью погоду? Правительство забрало меня себѣ, ну и отлично,—но оно должно меня кормить, или я устрою скандалъ!

— Хочешь кусочекъ поколodu?—спросилъ Мусь спокойнымъ голосомъ.

— Я хочу, чтобы меня накормило правительство.

Сержантъ, который выходилъ изъ подвала, теперь снова спустился по лѣстницѣ и крикнулъ:

— Эй, вы там! Снаряжайтесь и выходите! Требуется подкрепление.

— Куда?

— Да туда, чорт возьми! Готовится атака.

Тут со всех сторон раздались ворчанье, влохи, ругань и возгласы: «Незорюх... Я тоже... Я не двинулся с места, а буду поджидать здесь „чехоман“».

Но вслѣд заѣмъ всѣ, одинъ за другимъ, начали снаряжаться, и ругая другъ друга, зѣвая, нагруженные и неуклюжие, они полѣзли вверх по лѣстницѣ, которая трещала подъ ихъ тяжелыми сапогами.

А мы,—замѣтилъ Гаспаръ,—вѣдь мы только-что пришли сюда, намъ не надо идти?

— Вотъ какъ,—отвѣтилъ сержантъ,—вы хотите, чтобы вахъ было сдѣлано исключеніе и чтобы васъ припатали?

— Не въ томъ дѣло... Мы еще ничего не жрали.

— Ну, чего тамъ! Лѣзьте, и сію же минуту! Миѣ сдается, что вы труса празднуете.

— Что такое?—крикнулъ Гаспаръ.—Нѣтъ, это чортъ знаетъ, что такое!.. Попробуй-ка повторить... Миѣ наплевать, что ты сержантъ...

— Такъ чего же вы ворчите тогда?

— Я не ворчу. Я только прошу, чтобы миѣ дали пожрать!

— А что я вамъ дамъ, пожрать-то? Ужъ не хотите ли вы, чтобы я далъ вамъ поглотать свои попоны?

— О, великолѣпно! Нечего разыгрывать изъ себя начальство!

— Какъ вы сказали! Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!.. Попробуйте-ка повторить... Бугъ вы хоть десять разъ парижанинъ...

Жжжжж... Грантъ...

Двигаться! Развѣ можно двигаться, когда приходится всѣ силы сосредоточивать на томъ, чтобы вытаскивать ноги изъ липкой грязи? Ноги скользили, руки хлестались за стѣнки, но и стѣнки были скользкими, покрытыя жидкой грязью. Ружье валялось съ плеча, его приходилось ловить грязной, мокрой рукой. Черезъ каждую минуту или минутъ снаряженіе и одежда, однимъ словомъ, всѣ люди съ ногъ до головы были покрыты грязью. И эти пятьдесятъ солдатъ, гуськомъ передвигавшіеся впередъ со страшными усилиями по неровной и узкой траншеѣ, точно вели борьбу съ невидимой силой, которая готова была соединить надъ ихъ головами землю. Локти, ноги, руки, спина, голова—все тѣло у солдатъ было покрыто грязью, точно они мѣшали ее всѣмъ своимъ тѣломъ. Они то уползали въ ней, то вытаскивали на поверхность, крахтели, ругались, снова уползали, словно кропы или дождевые черви, которые копошатся въ мохъ; они лѣзли, цѣпались, приходили въ отчаяніе... но зато они были охотниками.

Соединительная траншея кончалась у опушки лѣса, сильно пострадавшаго отъ снарядовъ, съ поломанными деревьями, съ развороченными стволами, съ обрубами деревьевъ. Но онѣ все-таки давали достаточно защиты, и солдаты вышли изъ траншеи на поверхность.

Едва они вошли въ лѣсъ, какъ пострѣлались съ ротой, которая только-что вышла изъ передовыхъ траншей.

О, тѣ были еще болѣе покрыты грязью, лица у нихъ были землисты, глаза широко раскрыты и полны ужаса. И они также были вооружены колыма, точно для того, чтобы имѣть опору въ своемъ ужасномъ положеніи; но они были все еще сильны и тащили на себѣ все снаряженіе, запачканное, забрызганное грязью, точно только-что вырытое изъ сырой земли. Солдаты

Поля прикрытіемъ крестовъ. XXV выставка Общества Петроградскихъ Художниковъ 1917 г.

В. Мазуровскій.

— Чортъ возьми!

«Чехоманъ» надъ самой деревней... на разстояніи пятидесяти метровъ. Гаспаръ вдругъ услышалъ знакомые звуки войны, а Муссъ, взбиравшійся по лѣстницѣ, замеръ на мѣстѣ, оглушенный силой взрыва.

Наверху солдаты, повидимому, остались совершенно равнодушными. Некоторые изъ нихъ набивали трубки.

— Марш!—скомандовалъ сержантъ.

Всего было человѣкъ пятьдесятъ солдатъ, у всѣхъ были въ рукахъ колья для проволокиныхъ загражденій. Они отправились въ путь по четверо въ рядъ, но двигались очень медленно, такъ какъ ноги ихъ увязали въ липкой грязи.

Бжжж!.. Вввв!.. Бонг!.. Грантъ!

Еще одинъ «чехоманъ». На разстояніи ста метровъ отъ нихъ на дорогѣ образовалась трещина во всю ширину дороги.

— Но... да вѣдь это чортъ знаетъ что такое!—сказалъ Гаспаръ.

Черезъ минуту онъ опять превсрачалъ:

— Бѣдная мама, если бы ты видѣла твоего сына!..

Кто-то замѣтилъ:

— Успокойся, скоро мы войдемъ въ траншею.

Они прошли нѣсколько шаговъ по полю, на которомъ нога увязала въ грязи выше шиколотки, и заѣмъ спустились въ узкую галерею между двумя холмами. Въ этой галерей нога увязала по колено. Это была уже не земля, а просто бездонная грязь; кроме того траншея была такъ узка, что ружья и мѣшки то и дѣло заѣзжали за стѣнки, тоже покрытыя липкой грязью.

— Ну вотъ, мое ружье закурорено!—сказалъ Гаспаръ.

— Эхъ,—крикнулъ Муссъ,—мое кепи свалилось въ воду.

— Двигаетесь вы, что ли, впередъ, новички?—крикнулъ солдатъ, замыкавшій шествіе.

шли съ поля, усаѣяннаго сѣрыми буграми и рядами крестовъ, на которыхъ видѣлись кепи. Какалось, будто этотъ отрядъ состоялъ изъ мертвецовъ, только что вставшихъ изъ могилъ, мертвецовъ, наводившихъ страхъ, съ отчетливымъ чего-то рокового во взглядѣ, съ приставленъ къ лицамъ могильной землей.

У Гаспара вырвалось:

— Чортъ возьми!

Измученный Муссъ задыхался и ничего не могъ произнести. Скользкая глинистая почва, въ которой увязали ноги солдатъ, вдругъ круто спустилась къ воронкообразному углубленію, наполненному буровой водой. Сержантъ скомандовалъ:

— Наполняйте флажки!

— Это онъ шутитъ?—спросилъ Гаспаръ.

Но остальные, повидимому, были еще болѣе удивлены его удивленіемъ. Сосѣдъ Гаспара, блѣдный, обросшій щетиной паренъ, замѣтилъ:

— Быть-можетъ, господинъ баронъ, привыкъ ѣздить только филь-проводнику воду?

Гаспаръ открынулся на него, отшвыривая ногой два комка грязи:

— Заткни глотку!

И онъ, погрузивъ свою флажку въ болото, Муссъ последовать его примѣру.

Странное чувство охватило Муссу. У него не было болѣе желанія звать, какъ въ казармахъ, но сердце его сжимало злобное предчувствіе, ему казалось, что онъ идетъ навстрѣчу вѣрной смерти. Зима, туманъ, мѣстность печальная, покрытая грязью, на всемъ землѣистомъ колоритѣ, на водѣ, на ликахъ... Грязь, повсюду только грязь... Какалось, будто эта грязь проникаетъ въ самую душу...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Политическое обозрение.

Международная социаль-демократия.

Во всех воюющих странах с самого начала войны приоб-
рели выдающееся значение социалистическая партия. Война
вызвала повсюду крайнее выражение национальных сил.
Огромная масса людей были призваны под знамена. На ро-
ды с мобилизацией армии пошла мобилизация промышленности, и
многа тысячи рабочих были привлечены к работам на оборону.
При таких условиях совершенно естественно, что партии,
опирающиеся на широкие круги пролетариата, заняли в полити-
ческой жизни видное и влиятельное положение.

Современный социализм, и как теоретическое учение и как течение практической политики, всегда характеризовался двумя основными чертами: он стремился быть интернациональным или международным, и он отрицал войну, считая ее исключительно делом имущих классов. То и другое глубоко коренилось в учении Карла Маркса о классовой борьбе и международной солидарности классов.

В „Коммунистическом манифесте“ Маркс писал: „Коммунисты обвиняют в том, что они хотят уничтожить отечество и национальность. Но у рабочих нет отечества. У них нет земли, то есть у них нет, национальная различия и противоречия между народами все более и более исчезают“. Конечно, с течением времени и особенно по мере того, как отдельные представители социалистических партий приобщались к практической государственной деятельности, социализм на западе начал уходить от этого dogмата чистого интернационализма и убеждение становиться на почву национальной действительности. Но все же интернационалистические стремления неизменно оставались присуще социалистическим партиям, и не даром они еще в преддверии великой войны видели свою специальную задачу в предупреждении вооруженных столкновений и в упорении братства трудящихся всех стран. Известно, что во август 1914 года в Швейцарии был созван международный социалистический конгресс с лозунгом: „война войн“, и что накануне открытия военных действий между немецкими и французскими социалистами происходили непосредственные переговоры о способах сохранения мира.

Неудача, постигшая эти миролюбивые усилия, нанесла тяжелейший удар, как называемому социалистическому интернационализму. Интернационал фактически распался. В социалистических партиях всех воюющих стран, за исключением России, возобладала национальная тенденция. Социалисты примкнули к политике „национального единения“ или „национальной обороны“. Во Франции, в Англии, Италии и Бельгии эта политика привела к вступлению социалистов в состав „буржуазных“ правительств. В Германии дело не шло так далеко. Но все же и германские социал-демократы вышли из роли непримиримой оппозиции и выразили готовность оказывать правительству во-
в борьбу с внешним врагом патристическую поддержку. Словом, в первые месяцы войны социалисты всех стран, за исключением России, показали себя, как теперь у нас говорят, „социал-патриотами“.

Однако, когда война затухала, обнаружилось, что интернационалистические тенденции не совсем вымерли в лагерь соци-

алистов. В связи с общей усталостью и рядом горьких разочарований, которые принесла с собой война, старая интернационалистическая привычка мышления опять дала себя чувствовать. То тут, то там стало обозначаться, кроме социалистического большинства, интернационалистическое настроенное меньшинство. Сравнительно более сильное оказалось это меньшинство в Германии, всего слабее оно, повидимому, в Англии. Но оно существует и во Франции и в Италии. Когда эти убежденные интернационалисты в достаточной степени „осознали“ себя, они поставили себе целью восстановить „интернационал“ и путем организованного давления международного пролетариата на буржуазные классы положить конец войне. Для этого они

развили свою деятельность „в международном масштабе“ и вошли друг с другом в непосредственное соприкосновение. Общественные встречи интернационалистов произошли на территории нейтральной Швейцарии—первая в Циммервальде, вторая в Кинтергаде. На этих двух конференциях и была выработана знаменитая формула мира—мир без аннексий и контрибуций, на основе самоуправления народов. В этой формуле отразились оба противоречивых начала международного политики социализма. „Без аннексий и контрибуций“—это символ равнодушия или отращения социализма к тем „захватным“ лозунгам, с которыми вступили в войну буржуазные правительства. „Самоуправление народов“—это его установка точек зрения национальной государственности. В качестве посредника между социалистами воюющих стран и великого деятеля интернационализма тогда же выдвинулся швейцарский социал-демократ Роберт Гримм.

Социалисты Восточной Европы всегда занимали в рядах международного социал-демократии особое положение. Благодаря тому, что по условиям государственного порядка они обречены здесь на роль постоянной и безответственной оппозиции, они, долгие годы, в социалистической жизни занимали роль „революционных“ и „опортунистических“. Кроме социал-демократов, в России социалистическое учение исповедуют еще „народнические“ партии, крупнейшее из которых является партия социалистов-революционеров. Среди интернационалистическое, родственное „большевикам“, и обо-

Знаменитая борщица женского равноправия в Англии, мистрис Панкхерст, прихаживающая к Парламенту в фот. момент к женским движению в революционной России. По фот. И. Штейнберг.

ронческое, близкое к „пехановцам“. До революции в русском социализме различались „пораженцы“ и „оборонцы“. „Пораженчество“ было представлено в социал-демократии большевиками и меньшевиками-интернационалистами, другая часть меньшинства следовала колеблющейся тактике, ясно выраженное „оборончество“ было свойственно „пехановцам“.

Среди народнических партий пораженцами были левые социалы-революционеры, оборонцами — их правые товарищи, неопределенными, но с отбывком, оборончества — трудовики и народные социалы.

Такова была разнообразная точка европейской и русской социалистической мысли к моменту февральской революции. Революция, очевидно, должна была в корень убить пораженчество. Революционер, очевидно, не мог бы желать поражения революционного правительства свободной России. Но, убив пораженчество, революция не убила нашего интернационализма, напротив, она расцвела в России особенно пышным цветом. Революция выдвинула у нас на первый план социалистическую партию. Из них наиболее деятельными показали себя группы, настроенные

интернационалистически. Роберт Гримм был у нас желанным гостем, и мирная формула Циммервальда и Кинтала попала в программу Временного Правительства коалиционного состава.

Проф. К. Соколов.

Знамя Женского Батальона Смерти, освещенное в торжественной церемонии 21-го июня с. г. на Исакиевской площади в Петрограде. Знамя — из золотой парчи; на ней — черный крест и надпись: „4-я женская военная команда смерти Марии Бояровой“. По фот. К. Булая.

Дневник военных действий.

Г. Клерне.

Активный прорыв революционной русской армии.

После весеннего затишья, длившегося около четырех месяцев, русская революционная армия перешла к активным действиям под Брестскими и Зборовом, чем доказала своим союзникам и врагам, что не утратила в ней сознание чувства долга, народной чести и товарищеской выручки.

Германия и Австро-Венгрия были удивлены в том, что бездельность, которую они внушили нашей армии, парализует ее на такой промежуток времени, сколько потребуется фельдмаршалу Гинденбургу для того, чтобы закончить борьбу на запад разгромом наших союзников.

Однако действия числа Июня месяца многие перевернули в военном раскладе, так как токарская шпала и в основном нарушила последовательное развитие очередных стратегических ударов Гинденбурга.

Забота о слабых своих союзниках заставляла фельдмаршала Гинденбурга быть постоянно настороже для того, чтобы без промедления вбрасывать в германские резервы в дело там, где слабейшая часть австрийцев легко поддавалась разгрому и отступлению с занимаемых ими позиций. Австро-Венгрия уже не раз бывала расцелена германскими полководцами за все время войны. Неоднократно наблюдались случаи, которые заставляли немецких генералов оставлять недооцененную работу на некоторых фронтах для того, чтобы торопиться к районам, где происходила в это время разруха австро-венгерского сопротивления.

Точка, точка, точка — история повторялась и в ближайшие к нам исторические для русской революционной армии июньские

дни, когда германцам в четвертый раз приходится сбить перебрасывать из Франции резервы к нам на галицийский фронт.

Некоторые полки шести наших корпусов, заслужившие своим примечательным патриотизмом высокую честь наименования „полков 18-го июня“, внесли австрийцам, слегка подержанным доволно слабыми и потопчанными германскими дивизиями, серьезнейший удар на фронте около 30 верст к северу и к югу от Брестка, между Тарнопольским и Галицким операционными направлениями, сходящимися у Львова.

Наши войска прорвали на фронте двух армий противника дѣла, а в них — мѣстах три линии окопов, чем вызвали большую тревогу в рядах австро-германцев и даже послужили эвакуацией ими железнодорожной линии и станции Брестка. Этот последний наш войска находился на расстоянии около 7—8 верст. Теперь, с занятием деревни Шибалина (восточнее Брестка), наши части подошли к названной станции, имеющей весьма важное стратегическое значение, на расстоянии около 3—4 верст. Во время произошедшего нашего наступления мы задержались на сильной Брестской позиции, почему и не могли возможности обойти Галич с севера и пройти через Ротинг на юго-западную линию. Теперь мы начали наступление снова дѣла, чтобы, добившись успеха, двинуть полки 18-го июня — в тыл главной австро-венгерской и германской армий, прикрывающих Львов с восточной стороны.

О размахе нашего удѣла удара можно судить по цифрам потерь, которые противник понес в первый день настоящего и неуклонного нашего напора. Но нам можно видеть, что, в общей сложности, одними только истинными в наши руки

Первая вѣсть о наступленіи нашей арміи. Председатель Союза Г. оргіевскихъ кавалеровъ капитанъ Скаржинскій въ Казанскомъ соборѣ произноситъ рѣчь, посвященную побѣдному движению нашихъ войскъ, воодушевленныхъ нашимъ вождемъ революціи — А. Ф. Керенскимъ.

пошаго, примѣрно, около одного корпуса противника. Каковы же потери убитыми и ранеными, — число коихъ, при указанной штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго мощности нашего артиллерійскаго огня, длившася нѣсколько дней подъ рѣдъ, должно быть значительнымъ, — мы еще пока точныхъ свѣдѣній не имѣемъ.

Такимъ образомъ, впечатлѣніемъ перваго дня боя самоуверенности германской главной квартиры былъ нанесенъ тяжелый и весьма трудно поправимый ударъ.

На четвертомъ мѣсяцѣ своей бездѣятельности русская армія какъ бы пробудилась отъ тяжелого летаргическаго сна и теперь уже серьезно угрожаетъ потрагнѣть всѣ основы прусской военной муштры. Нѣмецкія дивизіи, стянутыя сейчасъ въ Бельгій и Франціи, успѣли уже втиснуться въ гребень большаго наступленія противъ нашихъ экономиковъ между Суасонномъ и Верденомъ. Австрійцы, въ виду обнаружившейся угрозы итальянскаго наступленія, убрали часть своихъ силъ съ нашего фронта и послали ихъ къ берегамъ рѣки Изонцо и въ Трентино.

Подосѣвший нашъ ударъ 18-го іюня послужилъ такимъ образомъ тяжелымъ грузомъ для дальнѣйшаго развитія инициативы дѣйствій германскаго генеральнаго штаба и поставилъ, въ сущности, весьма большой вопросъ надъ благополучнымъ исходомъ для Германіи настоящей войны.

Возвращаясь снова къ району, гдѣ наши части впервые атаковали противника, мы должны отмѣтить, что успѣхъ нашъ продолжалъ развиваться и въ послѣдующіе дни наступленія.

По мѣрѣ того, какъ боевыя столкновения въ районѣ Бразежанъ 19-го іюня, т. е. на второй день наступленія, стали протекать съ нѣсколько меньшимъ напряженіемъ, гдѣ взято было въ плѣнъ около двухъ съ половиною тысячъ неприятельскихъ солдатъ, напоръ нашихъ арій перемкнулся значительно къ сѣверу и распространялся на 25 верстъ, до направленія Гарнополь-Пьювской желѣзной дороги.

Г. В. Плехановъ.

Бѣль Дѣйчъ.

Первая вѣсть о наступленіи нашей арміи. Масштабный вождь социаль-демократическаго движенія послѣднихъ 40 лѣтъ, глава социалистическаго органа „Единство“ Г. В. Плехановъ и извѣстный революціонный дѣятель Левъ Дѣйчъ среди инвалидовъ участвуютъ въ манифестаціи у Маріинскаго дворца, состоявшейся по поводу нашихъ побѣдъ на фронтѣ.

По фот. Н. Штейнберга.

Новѣйшія моды.

№ 1. Лытнее манто для девочки от 3—5 лет. Это легкое манто предназначается, собственно, для того, чтобы защищать платье от песка или пыли во время игры на воздухе. Оно сдѣлано изъ кисеи мелкими цвѣточками: передняя застежка дѣлается на паттѣ изъ бѣ-

№ 1. Лѣтнее манто для дѣвочки отъ 3—5 лѣтъ.

нилина и тифа. Юбка и лиф из сплассованного черного тифа; полой гарнизованной широким бордюром из черной тифа и кружевной прошивкой, прошитой шелком золотого цвета. Глубокий круглый вырез воротника окружен таким же кружевным воротником, соединенный двойной тафтаной багеткой, украшенной суташевыми фестончиками; от концов воротника падают две кисти. Кушак из тифа соединяется спереди кружевным овальным мотивом, представляющим как бы пояску.

№№ 4—8. Лѣтнія платья для молодыхъ дѣвицъ.

М. И. Платов, встав, Юбка покрыта тремя высокими фестоначными волнами, отделинными тройными рядами лент, которыми оторочены также и фестоны. Корсаж-блузка сшита из прикоснутого полуплюшевого материала, свободный нижний край которого вырван отороченными ленточкой фестонами. Правый переполок блузки также вырван фестонами, а все углубления каждого фестона нашито по пуговке; из-под фестонов, выступая сплывованное жабо из белой киски; такой же воротник. Кушач из тафты.

№ 5. Платье изъ тафты и кисеи.

Общая гоним из тафты сивко-
канташового цыбта желтавогато
оттнка; сбрбатыи тонкнх из-
тонкого блага мусулина обшн-
на по долом тельк сплассованной
рошью из той же ксенн; сбр-
батыи тонкнх из тонкого блага
мусулина обшн-на посредннх поперечной
подшнтой снх внутренней сторонн
кружевной прошнкой и слегка
напушеннх вынзу на драпнрован-
ной тафтай кушак; прямой
рукав «пьянн» стнгуной у
плеча; снгуной снскнх стнгу-
нх бантог из тафты. Сверх кор-
сака накинута корсетная та-
фтыи кофта-болеро, широко от-
крытая передннх полочкн кото-
рой заложены складкамн кофле,
а оть плеч прнкрнтое розе-
таво-бнзнтннм вынзу. Снскнх
бокий передннх вынзр ворта,
завнзывается двумя петлямн,

№ 6. Платье изъ зольена и тафты.

Юбка из тафты отделана вокруг подола тремя воланами, из которых нижний — сборчатый — из тафты, верхний плоский — волан также из тафты, а между ними мелко списванный волан из зольна. Такой же сборчатый тюник останавливается у верхнего волана. Тафтяная блузка-безрукавка с глубоким

овальнымъ вырѣзомъ спереди надѣта на блузонъ изъ зольена; передъ ворота свободный,—сади рюшъ изъ мелко сплissованнаго муслина. Драпированный кушакъ изъ тафты.

№ 7. Платье из бязи белого цвета. Сборчатая юбка с гладкими перелинками, который пришить к верхней части остальной юбки, отпавленной двумя сборчатыми воланами через промежутки шириной 10 — 12 см; третий волан окружает все подол вывста с перелинкою. Сборчатый корсаж-блузка с цыльным переком; глубокий круглый вырез ворота окружает двойным узеньким воланом из материи, —сади высокий, слегка отогнутый воротник из бязи муслина; прямая рукав собран у кисти воланом, ступенчатым обшником из той же материи. Купаш из мягкой черки.

№ 8. Плате из крепделины.
Перед юбки образуют воланы, пришитый к высокой глянкой корсетке; оставшая часть юбки иметь форму годе, и по боковым линиям, прилегающим к талии, ушиты воланы, все протекание юбки, бордюром, вышитым, вышуглой глянью. Такой же вышитый низенький корсетик с бретелями, перешнурованный спереди, составляет отдѣлку корсажа, воротъ котораго спереди нѣколько скошенъ и метелен. Сзади полустачкой сшитыя юбка и платокъ из метелен, сшиты свободный рукавъ съ узкимъ вышитымъ бордюромъ.

№№ 9—10. Дамскія ночныя сорочки. Къ № 9 при-
ложена 1 выкройка; Фиг. 1. Половина сорочки.

Вся сорочка № 9 кроится из одного куска, без шва на плечах. Матерія—батистъ или полотно—перегибается по плечевой линіи вдвое (отчего образуется четыре слоя матеріи), и вся сорочка, заложивъ пред-

варительно плечевые складки, выкраивается сразу, после чего по обозначенной на выкройке пунктирной линии является передняя выкройка ворота. Края ворота и рукавов выметываются фестончиками; перед стана и рукава украшаются ручной вышивкой гильзой или английским швом.

№ 10. Ночная сорочка. Белье. Белье модели, которая является обязательной для батиста, стаян стигается в талии кулисой, образуя как бы лифчик, круглый ворот также стигается кулисой. Рукава формируются стаян и составляют часть воротника, у платья они также собраны на кулису.

№№ 11—15. Летняя блузки. К № 13 приложены 4 выкройки: от Фиг. 2—5.

№ 11. Простая английская бауза.

Перед заложены тремя круглыми складками, которая сверху, на протяжении 10—12 см, скреплена по краям створками. Входящая складка, скрывающая внутреннюю застежку, украшена по створкам двумя группами пуговиц.

Спинка главная с плечевой частью, состоящая из переднего и заднего рукава с манжетой, — створки из этой последней и воротник из белого тонкого полотна. Кушачь из той же материи застегивается в одну сторону на пуговицы одной большой пуговицей.

№ 13. Летняя плата для девочек.

№ 12. Блузка Раглан — надевается через голову; передняя прорывка застегивается двойной группой пуговиц на перетяжки из жгутиков. Матросский воротник; низ рукавов собран к манжет с свободным отворотиком из той же материи.

№ 13. Нарядная блузка. Съ 4-мя выкройками въ уменьшен-

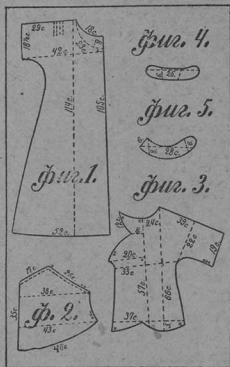

№ 3. Нарядное
платье изъ ни-
нона и тафты.

№№ 4—8. Лѣтнія платья для
молодыхъ дѣвицъ.

ных чертежах, с обозначением размеров в сантиметрах.

Фиг. 2. Перед блузки.

3. Половина спинки с прикроем рукавом.

4. Манжета к рукаву.

5. Половина воротника.

Блузка (последняя фигура в верхнем ряду)—изъ нитона или маркизета; оригинального фасона рукав прикроем из спинки, а спереди иметь форму Галлана; окантованные въ воротъ, переключенные передки, сканованные тонкой кружевной прошивкой, пришиты сборками къ передним части рукава, образующей какъ бы кокетку; воротникъ и манжеты, въ видъ патъ, обшиты узенькими тонкими кружевами и украшены бордюромъ изъ вышитыхъ гладью мушекъ.

№ 14. Блузка изъ шелкового полотна. Совершенно простая блузка съ свободнымъ скошеннымъ воротомъ и прямой застежкой спереди, обрисованной бордюромъ изъ двойного ряда прямыхъ стежковъ шелкомъ кордонъ съ нашитыми черезъ ровные промежутки бабочками колесиками. Такая колесика легко сдвигать самимъ, выражая форму изъ толстой палки и обматывъ ее плотной выметкой очень толстымъ шелкомъ кордонъ или толстой глянцевитой бумагой, изъ которой совершенно видъ шелка. Воротникъ матросскаго фасона прикроемъ концами не къ вороту, а на некоторомъ разстоянии отъ него къ передкамъ; бордюръ воротника, такъ же, какъ и манжеты, заканчивается однимъ колескомъ.

№ 15. Данная блузка-жакетъ изъ полотна, легкаго шелка, легкой шерстяной или бумажной материи и т. п. Блузка кроится вполно сшака. Воротъ, боковая линия застежки и полость отгладныхъ вышитымъ галунами; такая же обшивка рукавовъ съ свободнымъ отворотомъ, вышитымъ по краю мушками; такая же мушки на отложномъ воротникъ и полукруглыхъ нашитыхъ на баску кармашкахъ.

№№ 9—10. Дамские ночные сорочки. Къ № 9 приложена выкройка въ уменьшенномъ чертежъ, съ обозначениемъ размеровъ въ сантиметрахъ.

№№ 11—15. Летняя блузка. Къ № 13 приложены 4 выкройки: отъ Фиг. 2—5.

Въ этомъ номере извести, следовательно, она не будетъ хорошей питьевой водой. Въ штофъ воды количество извести не должно превышать 1 1/2—2 лот. При кипячении жесткая вода даетъ много накипи на посуду. Испытывать вкусъ и запахъ воды надо при 24—28° Р., такъ какъ при этой температурѣ они обнаруживаются сильнее. Мягкой водой называется такая вода, въ которой находится мало солей и совсемъ нѣтъ углекислоты и извести.

Полезные совѣты.

Какъ можно дезинфицировать загрязненную воду? Загрязненную воду дезинфицируютъ, прибавивъ въ нее самое незначительное количество марганцевогo кали, причѣмъ вода должна быть только слегка или слегка мутна; или же въ 4-хъ штофахъ воды размѣшивать 1 чайную ложку порошка квасцовъ; или же прибавляютъ сначала достаточное количество хлорной воды, а черезъ короткий промежутокъ времени обезвреживаютъ остатокъ хлора, прибавивъ къ водѣ соответствующее количество антихлора

Какъ можно сдѣлать испорченную воду годной для питья? Въ обыкновенно кипячене, какъ самый простой способъ сдѣлать воду годной для питья.

Во время кипяченя воды ключомъ изъ нея улетучиваются всѣ вредныя частицы и погибаютъ всѣ микробныя организмы. Но такъ какъ отъ кипяченя вода лишается воздуха и газовъ, то отварная вода становится некусной; это можно до некоторой степени исправить, если въ продолженіе некотораго времени взбалтывать въ закрытомъ сосудѣ воду вышестъ въ воздухъ или же прибавить въ нее углекислоты воды, розу, краснаго вина, кофе или зеленого чаю. Самое лучшее прибавлять въ воду красное вино (конечно, натуральное, безъ поддѣлки), такъ какъ оно содержитъ въ своей дубильной кислотѣ или танинѣ такое вещество, которое даже въ сильно разжиженномъ видѣ обладаетъ способностью убивать микробныя организмы.

Какъ узнать не слишкомъ ли жестка вода? Въ чистой, блестящей внутри кастрюлѣ налить черезъ 1/4 часа вода на днѣ замутится, что не станетъ видно блеска посуды, то это значитъ, что въ водѣ много извести, следовательно, она не будетъ хорошей питьевой водой. Въ штофъ воды количество извести не должно превышать 1 1/2—2 лот. При кипячении жесткая вода даетъ много накипи на посуду. Испытывать вкусъ и запахъ воды надо при 24—28° Р., такъ какъ при этой температурѣ они обнаруживаются сильнее.

Мягкой водой называется такая вода, въ которой находится мало солей и совсемъ нѣтъ углекислоты и извести.